
Рецензия

УДК 81-119 + 81-139 + 81:39

DOI 10.25205/2312-6337-2026-1-140-154

**Рецензия на книгу: Agranat Tatiana B., Dodykhudoeva Leyli R. (eds.).
Strategies for Knowledge Elicitation: The Experience of the Russian School
of Field Linguistics. Springer Nature Switzerland AG, 2021. x + 247 p.**

В. С. Мальцева

Институт языкознания РАН, Москва, Россия

Аннотация

Коллективная монография «Стратегии извлечения знаний: опыт русской школы полевой лингвистики» под редакцией сотрудников Института языкознания РАН Т. Б. Агранат и Л. Р. Додыхудоевой представляет взгляды исследователей, принадлежащих к российской школе полевой лингвистики, на методы лингвистической работы в поле. В четырех разделах сборника собраны главы, посвященные языкам с общим географическим и социокультурным фоном. Первый раздел описывает опыт работы с языками, распространенными в европейской части России. Главы второго раздела посвящены языкам азиатской части России, а именно Сибири и Дальнего Востока. В третьей части представлены статьи о памирских языках, распространенных в Таджикистане, на постсоветском пространстве. Последние две главы сборника представляют опыт работы российских полевых лингвистов с языками Вьетнама и Мексики.

Ключевые слова

полевая лингвистика, языки России, языки Памира, лингвистическая методология, этнолингвистика

Для цитирования

Мальцева В. С. Рецензия на книгу: Tatiana B. Agranat, Leyli R. Dodykhudoeva (eds.) *Strategies for Knowledge Elicitation: The Experience of the Russian School of Field Linguistics*. Springer Nature Switzerland AG, 2021. x + 247 pp. // *Языки и фольклор коренных народов Сибири*. 2026. № 1 (Вып. 57). С. 140–154. DOI 10.25205/2312-6337-2026-1-140-154

**Book review: Strategies for Knowledge Elicitation: The Experience of the Russian
School of Field Linguistics. Tatiana B. Agranat, Leyli R. Dodykhudoeva (Eds.).
Springer Nature Switzerland AG, 2021. x + 247 p.**

Vera S. Maltseva

Institute of Linguistics, Moscow, Russia

Abstract

The collective monograph under review presents a comprehensive examination of the methodological approaches defining the Russian school of field linguistics. The volume is organized into four sections based on geographical and sociocultural contexts. The first section is dedicated to fieldwork experience with languages spoken in the European part of Russia. The chapters in the second section focus on the languages of the Asian part of Russia, namely Siberia and the Far East. The third part presents articles on Pamir languages, spoken in Tajikistan, within the post-Soviet space. The concluding section of the volume details the fieldwork conducted by Russian linguists in Vietnam and Mexico. The introduction situates modern practices within a historical framework, identifying three pivotal Soviet-era scholars whose methods shaped contemporary Russian fieldwork. These are Ivan Zarubin, a researcher of Pamir languages in the first half of the 20th century, Nikita Tolstoy, the founder of ethnolinguistics who studied the dialects of Polesie, Ukraine, and Alexander Kibrik, who organized linguistic expeditions for the Linguistics Department of Moscow State University and whose fieldwork was primarily associated with the languages of Dagestan. The contributors of the volume adapt the

© В. С. Мальцева, 2026

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2026. № 1 (Вып. 57)

Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2026, no. 1 (iss. 57)

methods of the mentioned scholars to the current linguistic landscape, where many indigenous languages face extinction. Beyond classical elicitation, the monograph examines novel technical avenues for language documentation alongside the evolving ethical standards. Significant emphasis is placed on sociolinguistic variables and the necessity of collaborative interaction between linguists and language communities.

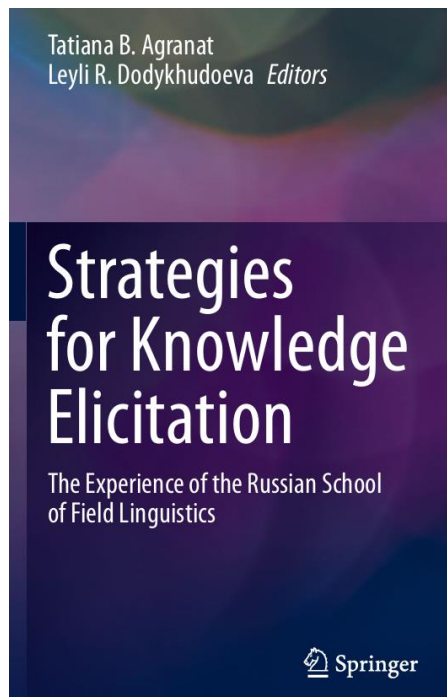
Keywords

field linguistics, languages of Russia, languages of Pamir, linguistic methodology, ethnolinguistics

For citation

Maltseva V. S. Recenziya na: Tatiana B. Agranat, Leyli R. Dodykhudoeva (eds.). *Strategies for Knowledge Elicitation: The Experience of the Russian School of Field Linguistics*. Springer Nature Switzerland AG, 2021. x + 247 p. [Book review: *Strategies for Knowledge Elicitation: The Experience of the Russian School of Field Linguistics*. Tatiana B. Agranat, Leyli R. Dodykhudoeva (Eds.). Springer Nature Switzerland AG, 2021. x + 247 p.]. *Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]*. 2026, no. 1 (iss. 57), pp. 140–154. (In Russian) DOI 10.25205/2312-6337-2026-1-140-154

Коллективная монография «Стратегии извлечения знаний: опыт русской школы полевой лингвистики» под редакцией сотрудников Института языкознания РАН Т. Б. Агранат и Л. Р. Додыхудоевой представляет взгляды исследователей, принадлежащих к российской школе полевой лингвистики, на методы лингвистической работы в поле. В основном это ученые из Москвы, работающие или работавшие ранее в Институте языкознания РАН, также есть авторы из Петербурга (М. Ю. Пупынина, К. С. Федорова), Франции (А. Вийо) и Австралии (А. Кондич).

В первой вступительной главе редакторы сборника кратко представляют историю полевой лингвистики в России и ее основные идеи. Ссылаясь на В. Гумбольдта и В. А. Звегинцева, они отмечают, что долгое время языки изучались преимущественно в рамках «результативного» (филологического) подхода, при котором предметом исследования является конечный продукт языковой деятельности: письменный язык и его текстовая основа, а также литературная традиция. «Динамический» подход, который исследует не тексты, а повседневное функционирование языка в сообществе его носителей, получил распространение в XVIII в., прежде всего в ходе деятельности миссионеров. Поначалу в рамках комплексных экспедиций (например, П. С. Палласа) собирались лишь фрагментарные языковые данные. Временем же начала полноценных лингвистических полевых исследований в России можно считать XIX в. – время экспедиций П. Услара, М. А. Кастрена, В. Г. Богораза и других исследователей. В XIX–XX вв. научное исследование новых территорий, в том числе и языковое, стало выгодно большим империям в борьбе за расширение сфер своего влияния.

У редакторов нет идеи рассказать о деятельности всех советских полевых лингвистов, упоминаются лишь те, на чьи методы и идеи авторы сборника опираются прежде всего. Первым из них является Иван Иванович Зарубин – исследователь языков Памира первой половины XX в. Он задокументировал языки этого региона и разработал их письменность. Авторы считают, что российская школа исследования языков Памира напрямую вырастает из его исследований. Так как языковые сообщества были изолированы и закрыты, то получить информацию об этих языках можно было только в длительных экспедициях, при которых исследователь живет в сообществе и со временем его начинают воспринимать как «своего». При этом собирается информация не только о языке, но и о культуре и обычаях народа.

Из исследователей второй половины XX в. упоминаются Никита Ильич Толстой, изучавший говоры Полесья, и Александр Евгеньевич Кибрик, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики МГУ, чья полевая работа в основном касалась языков Дагестана. Методика Н. И. Толстого так же, как и методика И. И. Зарубина, предполагала изучение не только языка, но и также и фольклора, этнографии, культуры языкового сообщества. Его экспедиции, начинавшиеся как диалектные, дали рождение этнолингвистике – смежной области между лингвистикой

и этнографией. Отличие от метода И. И. Зарубина состоит в том, что в данном случае исследователи не жили в семьях носителей длительное время и не пытались стать частью сообщества. К тому же эти экспедиции преследовали не только описательную, но и обучающую цель – в них участвовало немало студентов. Различие в методах можно объяснить спецификой поля, поскольку полесские деревни представляют собой гораздо более открытые сообщества, чем памирские селения. В экспедициях А. Е. Кибрика также большая роль отводилась студентам. Причем перед каждым из них ставилась задача не просто собрать материал, но провести полноценное научное исследование, начиная от теоретической подготовки к полевой работе и заканчивая написанием статьи или отчета по исследованной теме. Темы распределялись между членами экспедиции таким образом, чтобы в итоге получилось создать коллективное грамматическое описание исследуемого языка. А. Е. Кибрик смотрел на исследуемые явления с типологической точки зрения и учитывал новейшие достижения в теории языка. Подробнее об экспедициях А. Е. Кибрика и его методах см. [Кибрик 1972; Жизнь... 2017; Dobrushina and Daniel 2018; Sumbatova 2018].

Большая часть авторов сборника может считаться наследниками полевой школы А. Е. Кибрика. В своих исследованиях они во многом опираются на его методы, но приспосабливают их к новой языковой ситуации в России, когда многие языки подвергаются угрозе исчезновения. Для большинства языков коренных народов РФ социолингвистическая ситуация с владением родным языком сильно изменилась за последнее столетие. В начале XX в. среди носителей этих языков преобладали монолингвы, а русским языком владели немногие. Сейчас ситуация, как правило, обратная: невладение русским языком можно отметить лишь у редких представителей самого старшего поколения, а также у дошкольников, ведущих кочевой образ жизни вместе с родителями. Сложившаяся ситуация накладывает определенную специфику на полевые исследования российских ученых по сравнению с учеными из Европы, США и Австралии. Возможно проведение коротких, но регулярных экспедиций, что имеет свои преимущества и недостатки. В XXI в. появилось много технических новинок, расширяющих возможности записи и обработки языковых данных. Новая аппаратура ставит перед полевыми лингвистами дополнительные задачи, не только технические, но и моральные. В настоящий момент важно успеть зафиксировать как можно больше данных языков, находящихся на грани вымирания.

В конце вступительной главы кратко рассказывается о том, как именно методология российской полевой лингвистики обсуждалась в XXI в., в том числе упоминается о трех конференциях, состоявшихся в 2003, 2006 и 2009 гг. в Институте языкознания РАН. Также дается небольшой обзор публикаций, посвященных методам полевой лингвистики в России и за рубежом. Отметим, что с момента выхода данной книги в Москве прошла четвертая конференция по методам полевой лингвистики, а также сформировалось научное общество полевых лингвистов (ОПЛинг). Оно проводит регулярные собрания и выпускает неперiodический сборник заметок «Журнал ОПЛинга» (на данный момент вышло два номера). Вся информация о деятельности ОПЛинга представлена на сайте <https://opling.github.io/>.

Основная часть книги состоит из четырех разделов, в которых сгруппированы главы, посвященные языкам с общим географическим и социокультурным фоном. Каждый следующий раздел как будто открывает перед читателем новые границы. В первой части (главы 2–5) описывается опыт работы с языками, распространенными в европейской части России. За исключением пятой главы, все они посвящены языкам уральской семьи. Главы 6–9 второго раздела посвящены языкам азиатской части России, а именно Сибири и Дальнего Востока. В третьей части (главы 10–12) представлены статьи о памирских языках, распространенных в Таджикистане, на постсоветском пространстве. Четвертую часть составляют всего две главы – 13-я и 14-я. Они посвящены двум языковым регионам за пределами России и СССР, которые исследовались учеными, принадлежащими к российской школе полевой лингвистики, – Вьетнаму и Мексике.

Раздел 1. Европейская часть России

Первый раздел открывается главой Т. Б. Агранат «Язык-посредник в полевых экспериментах». В ней обсуждается вопрос, должен ли полевой лингвист практически владеть изучаемым языком, то есть вести на нем разговор с носителем. Т. Б. Агранат в основном полемизирует с высказываниями петербургского полевого лингвиста А. А. Бурькина, который настаивает на необ-

ходимости знать язык. Впрочем, немало исследователей разделяет эту точку зрения. Т. Б. Агранат сосредоточивает внимание на проблемах использования исследуемого языка для сбора материала. Она не отрицает пользы знания языка, но подчеркивает, что у исследователя не должно быть иллюзии, будто он владеет изучаемым идиомом на уровне носителя. Автор основывает свои выводы на практическом опыте работы с прибалтийско-финскими и саамскими языками, а также приводит доводы из методологических наблюдений А. Е. Кибрика.

В настоящее время перед лингвистом практически никогда не стоит задача коммуникации с носителями-монолингвами, не владеющими русским языком. Наоборот, диалог на исчезающем языке с носителем часто невозможен или затруднен. Целесообразно ли в таком случае отказываться от использования русского языка в качестве языка-посредника? Т. Б. Агранат замечает, что без его помощи довольно трудно собирать словарь изучаемого идиома. В статье упоминается также опасность влияния исследователя на изучаемый язык, особенно малый и угрожаемый. Если исследователь говорит с человеком невысокого социального статуса на его родном языке и при этом допускает ошибки, собеседник может усвоить от лингвиста неправильные слова и конструкции, если он считает, что языковую норму определяют люди с высшим образованием. К тому же, чем меньше у языка носителей, тем более существенна разница не только между диалектами, но даже и идиолектами, и в этом случае особенно важно постараться не вмешиваться в жизнь языка. Не в последнюю очередь нужно иметь в виду, что успешность работы исследователя сильно зависит от его репутации в языковом сообществе. Попытка говорить на языке сообщества является лишь одним из способов социализации исследователя, и не всегда успешным. По воспоминаниям Н. И. Толстого, лингвистов, которые в Полесье пытались говорить на местном диалекте, а не на русском литературном языке, носители считали странными и не слишком уважали. По мнению Т. Б. Агранат, завоевать доверие языкового сообщества можно прежде всего с помощью результатов научного труда – грамматического описания языка, публикаций текстов. Проблемы взаимодействия исследователя с языковыми консультантами и его влияния на жизнь языка поднимаются и в других главах книги.

В главе 3 «Эксперименты, ориентированные на диалог, в полевых условиях: преимущества и недостатки (пермский опыт)» М. Н. Усачева рассказывает об экспериментах, которые она проводила в экспедициях по изучению в бесермянских и коми-язвинских идиомов, принадлежащих к финно-угорской группе языков. Под экспериментами здесь понимаются различные способы получения от носителей языковых данных по определенной теме без использования элицитации (перевода слов и фраз с языка-посредника на изучаемый язык). Самый простой и известный тип лингвистического эксперимента – предложить информанту описать на родном языке изображение на картинках или фотографиях. Также можно попросить составить связный рассказ по нескольким картинкам, комиксам, пересказать содержание мультфильма без звука или видеозаписи. Можно проводить эксперименты с участием двух носителей: в этом случае один из них дает другому инструкции на родном языке, или описывает изображение, которое второй участник не видит. Группе носителей можно предложить в качестве эксперимента языковые игры, например, «шляпу» (игра, в которой один участник объясняет слово, а другие угадывают). По мнению автора, по сравнению со сбором корпуса разрозненных устных рассказов, экспериментальные методы позволяют получить массив текстов с большим количеством примеров изучаемого явления одновременно достаточно представительный. Эксперименты полезны как для изучения грамматики, так и для словарной работы.

Среди достоинств экспериментальных стимулов отмечены следующие: язык-посредник почти не влияет на итоговый результат; можно использовать один набор стимулов для работы с разными языками и тем самым проводить сравнительные исследования (впрочем, автор отмечает, что сравнивать результаты экспериментов в разных языках все же довольно сложно); породить собственный текст на языке многим носителям проще, чем переводить заданные лингвистами предложения с языка-посредника; при экспериментальных методах опроса получается более естественный текст, чем при элицитации.

Большая часть главы описывает проблемы, возникавшие у автора в ходе полевых экспериментов. Например, отсутствие четкого контекста часто порождает слишком большую вольность при интерпретации стимула информантом. Если изображение непривычно или нечетко, то носитель может вообще не понять, что показано на картинке или в видео. В некоторых случаях проваливались эксперименты с пересказом комикса: информанты, не знакомые с этим жанром, не

воспринимали комикс как связную историю и описывали изображения на картинках по отдельности, не связывая их между собой. Отметим, что похожие проблемы возникают и при элицитации: информанты отказываются переводить предложения, противоречащие их картине мира – например, высказывания, связанные со смертью или болезнью, не хотят переводить из суеверных соображений.

У пожилых людей, ведущих деревенский образ жизни и получивших лишь начальное школьное образование, часто бывают проблемы с абстрактным мышлением. Им сложно интерпретировать фотографии и видео, если они не знают людей или места, которые на них изображены. Поэтому схематичные рисованные изображения часто лучше фотографий или чрезмерно подробных рисунков, особенно для пожилых носителей. Однако слишком абстрактные образы (например, изображения, сложенные из геометрических фигур) также вызывают затруднения. Вообще при подготовке экспериментов не всегда можно заранее понять, что пойти не так. Поэтому перед проведением нового эксперимента в поле очень важно предварительно протестировать его заранее в «лабораторных условиях». Это позволит увидеть большинство ошибок заранее и сделать поправки.

М. Н. Усачева использовала два основных эксперимента для порождения диалогов – сортировку предметов и передвижение фигурок по лабиринту. В каждом из них один информант объясняет другому, что нужно сделать или что происходит, когда действия совершает лингвист, которого второй информант не видит. Эксперименты включали в себя предварительную стадию, когда информанты и лингвист обсуждали между собой непонятные детали. Затем была тренировка и основная стадия эксперимента, после чего на финальной стадии участники обсуждали его успешность. Автор отмечает, что, несмотря на все, записанный в результате эксперимента диалог может быть совсем непохож на то, что хотелось получить исследователю, и, возможно, не содержит нужных для него языковых данных. Поэтому нужно также продумывать, как можно ограничить носителей в средствах выражения.

Экспериментальные методы требуют значительного времени на подготовку (формулирование гипотезы, подготовка материалов) и на обработку (расшифровка, перевод и глоссирование текстов). Часто от лингвиста требуется базовое владение изучаемым языком, чтобы корректировать ход эксперимента, когда что-то идет не так. Несмотря на сложности, эксперименты значительно расширяют инструментарий лингвиста и дают интересные и значимые результаты.

Глава 4 «Потребность языков меньшинств в условиях приграничья: методология полевого исследования» представляет совместное исследование российского ученого С. А. Москвичевой и французского лингвиста А. Вийо. В ней описана методология социолингвистического полевого исследования, проведенного авторами в Республике Карелия в 2012–2014 гг. Карельский язык относится к прибалтийско-финской группе финно-угорских языков. Целью исследования было установить социолингвистические и психолингвистические параметры потребности респондентов – представителей карельского этноса – в миноритарном родном языке. Применяемые инструменты исследования – анкеты и интервью – ориентированы на выявление качественных и количественных параметров отношения говорящих к родному языку. При сборе материала авторы отдавали предпочтение интервьюированию, поскольку оно позволяет учитывать прежде всего не параметры, заранее определенные исследователем, а личный опыт носителей языка во всем его многообразии. Авторы не выдвигали заранее никаких гипотез о том, когда и почему у говорящих есть потребность в использовании родного языка. В ходе интервью задавались вопросы о том, в каких ситуациях люди используют язык, для чего они его изучали (если изучали), как они относятся к текущей языковой политике и планированию, что они думают о взаимном соотношении диалектов карельского, а также карельского и финского языков. У карельского языка нет официального статуса, но есть поддержка со стороны местных властей в трех национальных районах республики – например, поощрение деятельности национальных библиотек, установление вывесок на карельском языке. Пилотное исследование, проведенное в Петрозаводске, показало важность национальных библиотек как центров средоточия карельской культуры – там часто устраиваются разговорные клубы для носителей языка.

Выяснилось, что потребность в родном языке бывает обусловлена как внешними факторами (например, коммуникация с монолингвами), так и внутренними (самоидентификация, принадлежность к культуре и этносу). Возможность поездок в Финляндию играла на момент проведения

исследования значительную роль в сохранении карельского языка для практических нужд, так как знание карельского помогало при коммуникации на финском языке.

Авторы выделяют три основных группы акторов, использующих язык: это представители власти, языковые активисты и простые носители. У каждой из этих групп цели использования языка отличаются (при этом один респондент может представлять одновременно разные группы). Для представителей власти главным является символическое использование языка, для простых носителей – практическое использование в повседневном общении. Активистам же важно и то, и другое, а также взаимодействие национального языка и культуры. Карельские активисты создают новые ситуации использования языка (как, например, записи современной музыки на карельском, нефольклорные этнические встречи) и ищут ему нишу в городской культуре.

Проведенное исследование позволило по-новому взглянуть на языковую ситуацию. Традиционные карельские деревни исчезают, язык и обычаи перестают передаваться следующему поколению через семью. Но это не означает, что концепт «символической» идентичности не важен для карелов. Функции и сферы использования карельского языка меняются, и хотя ситуацию нельзя назвать оптимистичной, но все же говорить о необратимом характере языкового сдвига еще рано.

Методике проведения социолингвистического опроса посвящена также пятая глава «Социолингвистическое исследование внутренней диаспоры: полевое исследование группы чувашской диаспоры в Московской области» М. В. Куцаевой. Автором впервые проведено социолингвистическое полевое исследование российской внутренней диаспоры, а именно чувашской диаспоры Москвы и Подмосковья. Исследование проводилось в 2014–2017 гг., применялись методы наблюдения за поведением носителей языка (на фестивалях и иных встречах диаспоры), социолингвистического анкетирования и структурированного интервью. Автор отмечает, что при интервьюировании окружающая обстановка значительно влияла на ответы респондентов. Если интервью проводилось в публичном месте и/или в присутствии других носителей, то ответы были более короткими и сдержанными, чем при беседе один на один в домашней обстановке. Однако групповые интервью побуждали респондентов коллективно обсуждать задаваемые вопросы и высказывать новые идеи. Были опрошены представители как первого, так и второго поколения чувашских мигрантов московского региона различных возрастов. Автор отмечает, что в городской среде повседневное использование языка сильно отличается от такового в сельской местности. Например, песни в городе чаще слушают, чем поют, а с соседями на родном языке почти никогда не общаются, поскольку соседи им не владеют. Исследование принесло некоторые неожиданные результаты. Например, оказалось, что одной из значимых сфер функционирования чувашского языка в диаспоре является его использование в православных богослужениях и в изданиях православной литературы. Также выяснилось, что вопрос о выражении эмоций на родном языке связан с культурой выражения эмоций вообще, поэтому мужчины отвечали на вопросы об эмоциях гораздо реже женщин. Передача языка потомкам в чувашской диаспоре московского региона оставляет желать лучшего: в основном родной язык используют при общении с ровесниками и старшими родственниками, но почти никогда при общении с детьми и внуками. Тем не менее общение с ровесниками на чувашском происходит не только в старших поколениях, но и среди молодых носителей. Использование чувашского языка мигрантами первого поколения зависит от того, насколько они использовали его до переезда в московский регион. Сохранению языка у носителей способствуют их регулярные визиты на родину – в республику Чувашия или в места компактного проживания чувашей в соседних регионах, а также посещение курсов чувашского языка.

Раздел 2. Сибирь и Дальний Восток

Во вторую часть вошли главы, посвященные языкам восточной части России (Сибири и Дальнего Востока). Ее открывает глава 6 «Полевая работа в ситуации языкового сдвига»: О. А. Казакевич описывает принципы и общие результаты своей работы с исчезающими языками Сибири, которые она ведет более 30 лет. Исследуемые языки принадлежат к разным языковым семьям (енисейской, тунгусской, уральской), но находятся в тесном контакте. Их объединяет ситуация языкового сдвига: в настоящее время люди отказываются от родного языка своего этноса

в пользу более престижного языка. Для всех возрастов преимущественным языком общения является русский. Передача родного языка в этих сообществах была нарушена в период от 70 до 25 лет назад.

С 1993 по 2019 гг. О. А. Казакевич провела 32 экспедиции в 60-ти населенных пунктах. Целью своих экспедиций она видит не столько исследование конкретных идиомов, сколько фиксацию лингвистической ситуации в населенных пунктах Сибири, где часто бытует несколько миноритарных автохтонных языков – чаще всего два, но бывает и больше, вплоть до пяти. В каждой экспедиции параллельно со сбором лингвистического материала проводилось широкое социолингвистическое анкетирование. В ходе интервью выясняется социологический статус респондента, задаются вопросы о владении языками, отношении к ним и о культурном бэкграунде (прежде всего знании родного фольклора).

При сборе лингвистического материала О. А. Казакевич считает наиболее важными три правила. Во-первых, должна вестись аудиозапись всего собираемого материала, для устных рассказов желательна также видеозапись для фиксации экстралингвистических данных. Во-вторых, по возможности нужно получить материал от большого количества информантов из разных поколений и социальных групп. В-третьих, работа по исчезающим языкам может вестись не только с полноценными носителями, но и с пассивными – теми, кто понимает речь на языке, но не говорит на нем. Они могут помочь в расшифровке текстов, а также при переводе наиболее частотных слов и выражений. Автор называет таких людей *semi-speakers*, то есть полуговорящими. Чаще всего эти люди говорили на родном языке в дошкольном и младшем школьном возрасте, но полностью переключились на русский в интернате или после смерти старших родственников. В некоторых поселениях полноценных носителей исследуемых языков найти не удалось. Работа с полуговорящими носителями дает представление о внутреннем развитии языка, который живет только в воспоминаниях, и об истории и культуре сообщества.

О. А. Казакевич подчеркивает, что полевая работа поднимает престиж миноритарного языка в поселке. Когда цепь передачи языка прервалась, именно лингвист может стать недостающим звеном и сыграть важную роль в передаче и сохранении языка и традиционной культуры. Например, этому способствует сбор аудиословаря. Поскольку весь словарь (как правило, это около 2 тыс. слов с примерами и диагностическими формами) записать за один сеанс работы невозможно, работа ведется в течение нескольких дней. Между сессиями записи люди часто вспоминают перевод слов, которые не смогли перевести сразу. Тем самым язык активизируется, и бывает так, что к концу экспедиции носители могут сказать на своем языке больше, чем в ее начале. О. А. Казакевич отмечает, что на полевом лингвисте лежит ответственность как перед носителями языка, так и перед научным сообществом. Исследователь должен не только собрать материал, но и хранить его надлежащим образом и сделать данные доступными как для научного, так и для языкового сообщества. Документация языка и его описание – это взаимодополняющие виды деятельности.

В следующей главе «Эволюция объекта в руках исследователя: наблюдения из летней экспедиции в кетское село Келлог» Ю. Е. Галямина¹ также поднимает вопрос об ответственности лингвиста перед языковым сообществом. Она подчеркивает, что лингвист в ходе полевой работы неизбежно влияет на жизнь языка и на его восприятие носителями (ср. обсуждение этой проблемы в главе 2). Сбор текстов в лингвистической экспедиции не является методом полностью независимого наблюдения. Когда исследователь просит носителя перевести фразы или рассказать что-то от себя, он при этом является не наблюдателем, а участником коммуникативной ситуации. В этих условиях носитель языка может совершать действия, нехарактерные при спонтанном использовании языка. Это может быть: 1) переключение с родного языка на русский и обратно; 2) пояснения к сказанному (как на родном языке, так и на русском); 3) дискурсивные вставки на русском («Мне по-кетски говорить?»); 4) комментарии о происходящем процессе коммуникации, а также о лингвисте и его работе вообще; 5) искусственное повышение или понижение сложности текста (выбор слов, гиперкоррекция грамматики, утрированное произнесение – чаще при анкетировании); 6) смягчение слишком жестких моментов в фольклоре. При просьбе «что-нибудь рассказать» нужно иметь в виду, что чаще всего при этом будет получен подготовленный текст, а не спонтанный – в том числе это может быть текст, переведенный

¹ Признана иноагентом.

с русского, который вряд ли стоит относить к естественной речи на исследуемом языке. Впрочем, заметим, что записать неподготовленный и при этом связный текст на языке, который не используется информантом в текущий период жизни, довольно затруднительно.

Влияние полевой работы лингвистов на исследуемый язык имеет и положительные стороны, в этом Ю. Е. Галямина солидарна с О. А. Казакевич. Внешнее внимание может породить и внутренний интерес: носители начинают больше думать о родном языке и стараются по возможности улучшить свою языковую компетенцию. К настоящей ревитализации языка это обычно не приводит, но может хотя бы немного отсрочить угасание и смерть языка.

Лингвистам, которые хотят минимизировать свое влияние на изучаемый язык, Ю. Е. Галямина предлагает две стратегии сбора материала: во-первых, можно просить носителей делать аудиозаписи без наблюдения лингвиста (с помощью оборудования лингвистов или своих мобильных телефонов); во-вторых, можно пожить некоторое время в языковом сообществе и наблюдать за его жизнью изнутри, когда носители уже привыкли к лингвисту. Последний метод более подробно обсуждается в III и IV частях книги.

В главе 8 «Лингвистическая полевая работа среди чукчей» М. Ю. Пупынина рассматривает ряд вопросов о социолингвистической ситуации на Чукотке и особенностей полевой работы с носителями чукотского. В статье подробно описывается, какие сейчас можно выделить категории носителей чукотского, как менялась чукотская языковая ситуация на протяжении XX в., в каких условиях лингвист может работать с носителями чукотского языка в настоящее время. В целом М. Ю. Пупынина сталкивается с теми же проблемами, которые были описаны в предыдущих главах, хотя языковой сдвиг в чукотском языке и не такой сильный, как в кетском и селькупском. Как и в случае с чувашским языком в московской диаспоре (см. главу 5), существенную роль в использовании чукчами родного языка играет религиозная организация – в данном случае не православная церковь, а баптистская. Также в статье обсуждается проблема языковой нормы, которая, на наш взгляд, характерна для большинства младописьменных языков: литературный язык, основанный на одном из диалектов, делает остальные варианты языка менее престижными. Поэтому в лингвистических опросах носители часто дают формы литературного языка несмотря на то, что в повседневной коммуникации они их не используют. Для чукотского языка ситуация осложняется тем, что литературная норма ориентирована на мужской социолект, поэтому носительницы, изучавшие язык в школе, а не в семье, в настоящее время не владеют женским социолектом.

Часть II завершается главой «Коммуникация на российско-китайской границе: проблемы получения данных». Ее автор, К. С. Федорова, исследовала интерференцию русского и китайского языков на границе России и Китая в районе озера Байкал, а также во Внутренней Монголии на территории Китая в 2008–2010 гг. В статье обсуждаются трудности получения информации о неграмматичных выражениях и словосочетаниях, которые входят в повседневную речь русскоязычных носителей под влиянием китайского языка. Контакты на русско-китайской границе имеют давнюю историю. В XIX и в начале XX вв. (до 1930-х гг.) в регионе бытовал кяхтинский язык – русско-китайский пиджин, который использовали около миллиона человек из нескольких этнических групп (помимо русских и китайцев, это монголы, тунгусы, корейцы, удэгейцы и некоторые другие). Кяхтинский пиджин не привлекал большого внимания лингвистов, хотя некоторые его описания и были опубликованы. С 1930-х и до конца 1980-х гг. граница была закрыта. Затем у жителей приграничных областей России появилась возможность пересекать наземную границу с Китаем, развивалась «челночная» торговля. В течение десяти лет двусторонняя российско-китайская миграция стала очень оживленной. Китайские рабочие-мигранты, как правило, не стремились овладеть русским языком в полной мере, а учили лишь частотные слова, адаптируя их под свои языковые привычки. Некоторые из таких слов со временем приобрели конвенциональную форму и используются сейчас в том числе и носителями русского языка (например, *друга* – обращение к мужчине, *супер-минимум* ‘минимальная цена’ и др.). В рецензируемой работе это называется «челночный» жаргон. В приграничных поселениях России можно наблюдать, как носители русского языка пользуются «упрощенной» версией языка при коммуникации с китайскими мигрантами. Пока этот вариант языка, впрочем, еще нельзя назвать полноценным пиджином: в нем слишком мало правил. К. С. Федорова отмечает, что разговорах между незнакомыми или малознакомыми людьми челночный жаргон не присутствует. Этот языковой регистр используется лишь при общении людей, поддерживающих постоянную коммуникацию

друг с другом. Их могут связывать родственные отношения по браку, деловые отношения и т. п. Единственным надежным способом получения данных о челночном жаргоне является наблюдение и аудиозапись естественной речи, возникающей в повседневном взаимодействии носителей русского и китайского языков. Однако этот метод исследования трудоемок и требует знания социокультурной и экономической ситуации в регионе для успешного поиска потенциальных носителей. Исследователю необходимо установить доверительные отношения с консультантами, поскольку обычно носители стесняются «коверкать язык» в присутствии постороннего образованного человека. Автор подчеркивает, что полевые исследования нестандартных языковых разновидностей являются деликатной темой, требующей интердисциплинарного подхода, в частности, использования антропологических и социологических методов.

Раздел 3. Памир

В третью часть книги вошли статьи, посвященные особенностям полевой работы с восточноиранскими языками Западного Памира – это около десяти языков памирских меньшинств, проживающих в основном в Горно-Бадахшанской автономной области Республики Таджикистан. В основном исследователи озабочены проблемами документирования и сохранения этнокультурного наследия региона. Редакторы издания выделяют эту область исследования в отдельную ветвь полевой российской науки – русскую школу изучения Памира.

Раздел начинается с главы Л. Р. Додыхудоевой и В. Б. Иванова «Методология сбора данных и выявления знаний о восточноиранских языках». Авторы анализируют свои материалы по памирским языкам, собранные в 2006–2016 гг. Они отмечают, что их носители, как правило, были воодушевлены интересом исследователей к их языку и культуре и охотно помогали им. Авторы делят своих языковых консультантов на три типа. Первую, наиболее многочисленную, группу составляли люди, от которых можно было записать только спонтанную речь. При записи спонтанных диалогов исследователи в начале объясняли носителям свои цели, но в самой беседе участвовали минимально – в основном только факт их присутствия влиял на поведение собеседников. Записывались бытовые беседы за едой, на собраниях в общине или во время повседневных работ. Вторая группа носителей включала в себя в основном образованную молодежь – старшеклассников, студентов и людей с высшим образованием. С ними можно было работать экспериментальными методами, включающими тесты, опросники по определенным лексическим и грамматическим темам, описания изображений и т. п. Поскольку респонденты уже встречались с похожими заданиями в процессе обучения, они могли успешно с ними справиться, в отличие от людей, не получивших хорошее образование (ср. похожие наблюдения в главе 3). Впрочем, авторы отмечают, что задание проспрягать глаголы на родном языке было сложным даже для студентов-филологов, которые легко спрягают глаголы в европейских языках – однако причины этой сложности в статье не обсуждаются. Также отмечено, что всем информантам было сложно опознать по картинкам такие плоды, как бананы, апельсины, клубника, поскольку они мало знакомы с ними. Впрочем, это неудивительно – вряд ли, например, носителю русского языка из сельской местности было бы легко опознать на картинке папайю или личи. Третью группу носителей составляют «старейшины» в широком смысле (к которым относятся, например, мастера), обладающие глубоким знанием традиционной культуры. Для работы с ними была разработана анкета, включавшая широкий спектр культурологических и этнографических вопросов. После предварительного опроса по этой анкете информантов подробнее расспрашивали о тех темах, в которых они лучше всего разбираются. Интервью брали в подходящей к теме беседы обстановке: так, кузнеца расспрашивали в кузнице, разговор об образовании проводили в школе, а разговор о семейном укладе – дома. При этом велась видеозапись, чтобы предметы, касающиеся темы беседы, можно было не только обсуждать, но и демонстрировать.

Л. Р. Додыхудоева и В. Б. Иванов отмечают, что с точки зрения носителей языка исследователи тоже бывают разных типов. Прежде всего они делятся на «своих», то есть носителей сходных идиомов и культуры, и «чужаков». Авторы считают наиболее продуктивной работу в команде, где есть оба типа исследователей и у них сходные цели и методы (ср. также обсуждение этого вопроса в главах 11, 13 и отчасти 14).

Одной из основных целей полевой работы авторов было составление качественного аудиоархива языковых материалов по исследуемым языкам Памира. В последней части статьи представлены некоторые результаты анализа собранного корпуса: приводится сопоставительный анализ форм числительных и цветообозначений в исследуемых идиомах.

Глава 11 посвящена исследованиям пластов традиционной культуры, угасающих на наших глазах. Дж. И. Эдельман в главе «Документирование лексики картины мира и систем верований (из опыта полевых исследований на Западном Памире)» обращается к истории своих экспедиций на Западный Памир в 1950–1970-х гг. Она работала с носителями язгулямского и шугнанского языков по методу И. И. Зарубина, когда лингвист несколько месяцев живет в семье носителей и записывает языковые данные вместе с культурологическим и этнографическим контекстом. Чтобы собрать данные о мировоззрении народа, лингвист должен предварительно подготовиться и иметь достаточные знания по культурной антропологии и этнологии. Дж. И. Эдельман рассматривает проблемы, с которыми она столкнулась при сборе и обработке информации о традиционном мировоззрении памирских народов, которое сегодня находится под угрозой исчезновения. В ходе экспедиций автор зафиксировала ценную этнолингвистическую информацию, которую местное население обычно скрывает от «посторонних».

Исследовать взаимоотношения в семье и использование терминов родства можно с помощью прямых вопросов и наблюдений, тогда как добыть информацию о картине мира и верованиях было куда сложнее. Проанализировать ее тоже оказалось непросто: так, система памирского определения времени и положения в пространстве непривычна для европейского взгляда. Например, для обозначения времени действия люди указывали на место на горе, в котором должно быть солнце в описываемый момент. Ориентация в пространстве происходит не по сторонам света, а по отношению к главной реке в долине. Расспросам о религии, помимо закрытости самого сообщества, мешала антирелигиозная политика СССР: даже когда данные удавалось добыть, их было трудно опубликовать в те годы. Здесь, безусловно, важны доверительные отношения с носителями, но проблемой было также правильно задать вопрос, на который можно получить содержательный ответ. Поэтому одним из эффективных методов работы было привлечение помощников из местных жителей, которые сами заинтересованы в теме беседы и лучше, чем лингвист, понимают, как такую беседу можно вести. Д. И. Эдельман отмечает, что некоторые знания о религиозных воззрениях можно получить, принимая участие в ритуалах и церемониях, а также при работе с фольклорным материалом.

В этой главе обсуждается также проблема, касающаяся анализа данных – необходимость соблюдать точность при рассказе о представлениях одной культуры на языке другой культуры, в том числе находить корректный перевод имен и названий на язык описания. Автор подчеркивает, что нельзя слишком упрощать и переосмысливать исходную информацию, но нельзя и подменять перевод простой транслитерацией без передачи смысла.

В главе 12 «Восток – дело тонкое: этнопсихологические факторы в результатах полевых исследований» Б. Б. Лашкарбеков рассматривает этнопсихологические факторы, влияющие на взаимодействие лингвистов и языковых консультантов в полевых условиях. Исследователь должен учитывать эти факторы для достижения оптимальных результатов. Опыт Б. Б. Лашкарбекова интересен тем, что это одновременно взгляд носителя миноритарного языка памирского региона (вакханского) и исследователя. Он считает, что хорошее владение местным языком необходимо исследователю и что даже носители родственных идиомов могут столкнуться с трудностями в работе, так как многие иранские диалекты существенно различаются (ср. сходные тезисы в главе 2). Автор обращает внимание на то, что начинающий исследователь должен прежде всего овладеть умением расположить к себе собеседника, иначе тот может отказаться от общения. В памирском регионе это непростая задача ввиду его длительной вынужденной изоляции, а также из-за исмаилитской традиции не делиться с пришлыми людьми информацией о себе. В первой своей экспедиции автор не смог добиться от носителя желаемых данных, так как не мог внятно объяснить свои цели и завоевать доверия консультанта. Б. Б. Лашкарбеков отмечает, что при знакомстве в Памире необходимо расспросить человека о здоровье и семье, а также рассказать о себе. Здесь ценится знание классической персидско-таджикской литературы и хороший аппетит. Автор также предупреждает исследователей о сложностях, которые могут возникнуть из-за восточного кодекса гостеприимства. Следует быть осторожным с просьбами, чтобы хозяин не перестарался и не отдал гостю последнюю рубашку. Также нужно критически относиться

к ответам на вопросы, поскольку местные этические стандарты предписывают хозяину во всем соглашаться с гостем. Еще одна проблема заключается в том, что консультанты могут сообщить о себе ошибочную информацию, не имея цели что-то скрыть. Например, поскольку в исламской традиции празднование дня рождения считается идолопоклонством, старшее поколение мусульман зачастую не знают даты или даже года своего рождения, но считают невежливым не ответить на вопрос гостя.

Раздел 4. Вьетнам и Южная Америка

Последняя часть книги содержит две главы, посвященные исследованиям миноритарных языков Юго-Восточной Азии и Латинской Америки. В главе 13 «Некоторые особенности сбора данных при полевом изучении изолирующих языков во Вьетнаме» И. В. Самарина, занимающаяся изучением языков Вьетнама с 1979 г., акцентирует внимание на проблемах, возникающих при работе с изолирующими языками вообще и при работе в горных районах Вьетнама в частности. Ее интересует влияние на исследователя генетической и типологической близости исследуемого языка и языка описания. И. В. Самарина отмечает, что западным исследователям (в том числе российским) приходится в данном случае иметь дело с тремя языками: языком изучения (миноритарным языком), языком-посредником (вьетнамским), а также языком описания (английским, русским или другим европейским языком). Так как последний сильно отличается от двух первых типологически и генетически, это позволяет обращать внимания на факты, которые носитель языка, близкого к исследуемому, не принимает во внимание. Такую черту И. В. Самарина замечала у вьетнамских лингвистов – участников первых советско-вьетнамских экспедиций. С другой стороны, носители вьетнамского языка имеют лучшее представление о картине мира изучаемого языка, чем сторонние исследователи (в качестве примеров в статье приводятся устройство лексических полей для наименования корзин-контейнеров и для терминов родства). Поэтому в экспедициях И. В. Самариной для сбора лексики используется опросник, составленный носителями языка-посредника (вьетнамского). Впрочем, этот метод не избавляет работу от всех сложностей, например, остаются проблемы со сбором лексики о флоре и фауне.

Сбор лексики в изолирующих языках прост в том отношении, что не нужно собирать грамматические формы слов, но осложняется широким использованием конверсии. И. В. Самарина отмечает, что в языках Вьетнама тем не менее можно найти диагностирующие синтаксические позиции для имени и для глагола, и приводит иллюстрирующие примеры. Все языковые данные в экспедиции записываются на аудио – при работе с тоновыми языками это особенно важно. Приведение фонетической записи к фонологической делается при анализе собранного материала. Автор отмечает, что при исследовании вьетнамских языков важно понимать, что для носителей основная единица как семантики, так и фонетики – это слог. Если начальный согласный слога в принципе отделяем (это видно по использованию частичных редупликаций), то гласная и финальный согласный трактуются как целое и дополняют друг друга при произнесении. И. В. Самарина отмечает, что к настоящему моменту ей удалось найти объяснение не для всех наблюдаемых фактов фонетики, особенно трудно бывает интерпретировать тоновые сандхи. По результатам экспедиций публикуются не только языковые описания, но и по возможности все собранные материалы. В публикациях дается перевод и глоссирование как на языке описания (английском), так и на языке-посреднике (вьетнамском), в статье приведены примеры словарных статей и текстовых фрагментов.

Последняя глава книги «Сбор данных для проекта документации: юго-восточный уастек (майя, Мексика)» написана А. Кондич – австралийской лингвисткой, начинавшей свою карьеру в Восточной Европе. Она долгие годы поддерживала тесные связи с русским лингвистическим сообществом и, по словам редакторов издания, может быть причислена к «невидимому факультету» российской школы полевой лингвистики. А. Кондич участвовала в трех международных конференциях по полевой лингвистике в Москве, выступала в России с другими докладами и ориентировалась на методы российских полевых лингвистов. Ее статья посвящена языку уастек, одному из языков майя, распространенных в мексиканском штате Веракруз. Он насчитывает около 12 тыс. носителей, но практически не передается детям: младшим носителям на момент экспедиции А. Кондич в 2007 г. было около 45 лет. Первая ее поездка к уастекам продолжалась 8 месяцев, после этого было еще несколько коротких визитов. Изначальной целью была

документация и создание цифровой базы данных по этому языку. Исследование было междисциплинарным и включало языковой, культурологический и этнографический компоненты. Перед экспедицией А. Кондич удалось познакомиться с уроженкой деревни, в которой она впоследствии работала. Таким образом вхождение в сообщество носителей языка сильно упростилось. В статье подчеркивается, что помощь представителей сообщества в налаживании коммуникации с другими членами сообщества (особенно со старейшинами) часто бывает неоценимой. Благодаря своей помощнице А. Кондич поработала примерно с 50 информантами. В результате ей удалось записать и проаннотировать 18 часов видео, несколько часов аудиотекстов, несколько часов элициаций и тезаурус на три тысячи слов. А. Кондич отдавала предпочтение видеофиксации при сборе материала, так как при этом видны мимика и жесты, которые усиливают и дополняют языковую информацию. Большую часть собранного материала составляют тексты культурного наследия. По результатам работы А. Кондич выпустила обучающие материалы по языку уастек, грамматику, сборник аннотированных текстов, перевод «Маленького принца» на уастек и монографию о поэзии и музыке уастеков на английском языке – данные о всех эти публикациях приводятся в библиографии к главе.

А. Кондич, как и О. А. Казакевич в главе 6, подчеркивает ответственность исследователя перед сообществом носителей за сохранение информации о его традициях и культурном наследии. По ее мнению, документация угрожаемых языков в настоящее время почти всегда должна включать в себя попытки ревитализации. А. Кондич не только ставила перед собой задачу обеспечить членам языкового сообщества доступ к собранным материалам, но и обсуждала с ними, в каком виде результаты ее работы могли бы быть им полезны – ей было важно, чтобы решение о судьбе собранного материала было совместным для лингвиста и носителей.

Заключение

Полевые исследования, проводимые российской школой, не ограничиваются темами и языками, представленными в этом томе. Упомянем о наиболее крупных направлениях исследований. Прежде всего нужно отметить обширные исследования кавказских языков, начало которым положил А. Е. Кибрик. Под его редакцией вышли описания арчинского, табасаранского, годоберинского, цахурского, багвалинского, хиналугского языков, а также сопоставительные работы по кавказским языкам [Багвалинский язык... 2001; Кибрик и др. 1972; Кибрик и др. 1977а, 1977б; Кибрик, Кодзасов 1988; Кибрик, Кодзасов 1990; Табасаранские этюды... 1972; Элементы цахурского... 1997; Kibrik (ed.) 1996]. В настоящее время каждый год на Кавказ совершается несколько экспедиций, из наиболее значимых публикаций можно отметить [Sumbatova, Mutalov 2003; Сумбатова, Ландер 2014; Удинский сборник... 2008]. Экспедиции к носителям коренных языков в другие регионы России, в том числе с участием студентов и аспирантов, также проводятся ежегодно и приводят к появлению подробных описаний и к расширению научных знаний о строении языков; см. коллективные монографии [Элементы татарского... 2017; Элементы мокшанского... 2018; Элементы горномарийского... 2023]. Из полевых исследований российских лингвистов за рубежом нельзя не упомянуть работу в Африке, Индии, Средней и Юго-Восточной Азии, которая регулярно проводится учеными в небольших группах или индивидуально. Наконец, давнюю традицию имеют исследования диалектов русского языка, в которых широко используются полевые методы.

Российские научные журналы «Родной язык. Лингвистический журнал», «Урало-алтайские исследования», «Языки и фольклор коренных народов Сибири», «Language in Africa» и др., а также ежегодная конференция «Малые языки в большой лингвистике», по итогам которой выпускаются сборники материалов, ориентированы в основном на публикацию статей, основанных на полевых данных. В качестве результатов полевых исследований появляются не только печатные публикации, но и электронные ресурсы: корпуса аннотированных текстов, словарные базы и другие материалы. Отметим здесь сборные онлайн-базы «Корпуса языков России»², электронные ресурсы Международной лаборатории языковой конвергенции ВШЭ³, проект «Малые

² <http://web-corpora.net/>

³ <https://lingconlab.ru/ru/>

языки России»⁴, лингвистическую платформу для словарей «Лингводок»⁵. Из проектов, посвященных отдельным языкам и языковым группам, наиболее информативными нам представляются сайт горно-марийской экспедиции МГУ⁶ и сайт, посвященный полевым исследованиям языков пахари⁷. Хочется надеяться, что полевая лингвистика в России и впредь будет активно развиваться и приносить пользу как науке, так и языковым сообществам.

Список литературы

Багвалинский язык. Грамматика, тексты, словари / Ред.-сост. А. Е. Кибрик, К. И. Казенин, Е. А. Лютикова, С. Г. Татевосов. М.: Наследие, 2001. 929 с.

Жизнь как экспедиция: сборник статей к 50-летию школы полевой лингвистики А. Е. Кибрика и С. В. Кодзасова. В 2-х тт. / Отв. ред. В. А. Плунгян, О. В. Федорова. М.: Буки Веди, 2017. 1050 с.

Кибрик А. Е. Методика полевых исследований (к постановке проблемы). М.: Изд-во Моск. унта, 1972. 180 с.

Кибрик А. Е., Кодзасов С. В. Сопоставительное изучение дагестанских языков. Глагол. М.: МГУ, 1988. 226 с.

Кибрик А. Е., Кодзасов С. В. Сопоставительное изучение дагестанских языков. Имя. Фонетика. М.: МГУ, 1990. 366 с.

Кибрик А. Е., Кодзасов С. В., Оловяникова И. П. Фрагменты грамматики хиналугского языка (Публикации отделения структурной и прикладной лингвистики. Вып. 9). М.: МГУ, 1972. 380 с.

Кибрик А. Е., Кодзасов С. В., Оловяникова И. П., Самедов Д. С. Опыт структурного описания арчинского языка (Публикации отделения структурной и прикладной лингвистики. Вып. 11). В 3-х тт. Т. 1: Лексика. Фонетика. М.: МГУ, 1977. 362 с. Т. 2: Таксономическая грамматика. М.: МГУ, 1977. 346 с. Т. 3: Динамическая грамматика. М.: МГУ, 1977. 321 с.

Кибрик А. Е., Кодзасов С. В., Оловяникова И. П., Самедов Д. С. Арчинский язык: тексты и словари (Публикации отделения структурной и прикладной лингвистики. Вып. 14). М.: МГУ, 1977. 392 с.

Сумбатова Н. Р., Ландер Ю. А. Даргинский говор селения Танты: грамматический очерк, вопросы синтаксиса. М.: Языки славянской культуры, 2014. 752 с.

Табасаранские этюды. Материалы Дагестанской экспедиции 1979 (Публикации отделения структурной и прикладной лингвистики. Вып. 15). М.: МГУ, 1982. 98 с.

Удинский сборник: грамматика, лексика, история языка / Ред. М. Е. Алексеев, Т. А. Майсак. М.: Academia, 2008. 464 с.

Элементы горномарийского языка в типологическом освещении / Отв. ред. Е. В. Кашкин. М.: Буки Веди, 2023. xviii + 980 с.

Элементы мокшанского языка в типологическом освещении / Отв. ред. С. Ю. Толдова. М.: Буки Веди, 2018. 1038 с.

Элементы татарского языка в типологическом освещении. Мишарский диалект / Отв. ред. С. Г. Татевосов, А. Г. Пазельская, Д. Ш. Сулейманов. М.: Буки Веди, 2017. xxviii + 764 с.

Элементы цахурского языка в типологическом освещении / Ред.-сост. А. Е. Кибрик. М.: Наследие, 1999. 944 с.

Dobrushina N., Daniel M. Field linguistics in Daghestan: A very personal account // Word hunters / Ed. Sarvasy H., Forker D. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins, 2018. Pp. 79–94.

Kibrik A. E. (ed.). Godoberi (Lincom Studies in Caucasian Linguistics, 02). München / Newcastle, 1996. 306 p.

Sumbatova N. My fieldwork, from Georgia to Guinea // Word hunters / Ed. Sarvasy H., Forker D. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins, 2018. Pp. 123–137.

Sumbatova N. R., Mutalov R. O. A Grammar of Icarl Dargwa (Languages of the World Series 92). München / Newcastle: LINCOM Europa, 2003. 242 p.

⁴ <https://minlang.iling-ran.ru/>

⁵ <https://lingvodoc.ispras.ru/>

⁶ <https://hillmari-exp.tilda.ws/>

⁷ <https://pahari-languages.ru/>

References

- Bagvalinskiy yazyk. Grammatika, teksty, slovari* [Bagwalan language. Grammar, texts, dictionaries]. A. E. Kibrik, K. I. Kazenin, E. A. Lyutikova, S. G. Tatevosov (Comps., Eds.). Moscow, Nasledie, 2001, 929 p. (In Russian)
- Dobrushina N., Daniel M. Field linguistics in Daghestan: A very personal account. In *Word hunters*. Sarvasy H., Forker D. (Eds.). Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins, 2018, pp. 79–94.
- Elementy gornomariyskogo yazyka v tipologicheskoy osveshchenii* [Elements of the Hill Mari language in typological coverage]. E. V. Kashkin (Ed.). Moscow, Buki Vedi, 2023, xviii + 980 p. (In Russian)
- Elementy mokshanskogo yazyka v tipologicheskoy osveshchenii* [Elements of the Moksha language in typological coverage]. S. Yu. Toldova (Ed.). Moscow, Buki Vedi, 2018, 1038 p. (In Russian)
- Elementy tatarskogo yazyka v tipologicheskoy osveshchenii. Misharskiy dialect* [Elements of the Tatar language in typological coverage. Mishar dialect]. S. G. Tatevosov, A. G. Pazel'skaya, D. Sh. Suleymanov (Eds.). Moscow, Buki Vedi, 2017, xxviii + 764 p. (In Russian)
- Elementy tsakhurskogo yazyka v tipologicheskoy osveshchenii* [Elements of the Tsakhur language in typological coverage]. A. E. Kibrik (Ed.). Moscow, Nasledie, 1999, 944 p. (In Russian)
- Godoberi* (Lincom Studies in Caucasian Linguistics, 02). A. E. Kibrik (Ed.). München, Newcastle, 1996, 306 p.
- Kibrik A. E., Kodzasov S. V., Olovyannikova I. P. *Fragmenty grammatiki khinalugskogo yazyka (Publikatsii otdeleniya strukturnoy i prikladnoy lingvistiki. Vyp. 9)* [Fragments of the grammar of Khinalug (Publications of the Department of Structural and Applied Linguistics. Iss. 9)]. Moscow, MSU, 1972, 380 p. (In Russian)
- Kibrik A. E., Kodzasov S. V., Olovyannikova I. P., Samedov D. S. *Archinskiy yazyk: teksty i slovari (Publikatsii otdeleniya strukturnoy i prikladnoy lingvistiki. Vyp. 14)* [Archi language: texts and dictionaries (Publications of the Department of Structural and Applied Linguistics. Iss. 14)] Moscow, MSU, 1977, 392 p. (In Russian)
- Kibrik A. E., Kodzasov S. V., Olovyannikova I. P., Samedov D. S. *Opyt strukturnogo opisaniya archinskogo yazyka (Publikatsii otdeleniya strukturnoy i prikladnoy lingvistiki. Vyp. 11 V 3-kh tt.)* [Experience of the structural description of Archi (Publications of the Department of Structural and Applied Linguistics. Iss. 11). In 3 vols.]. Moscow, MSU, 1977, vol. 1: Leksika. Fonetika [Vocabulary. Phonetics], 362 p.; vol. 2: Taksonomicheskaya grammatika [Taxonomic grammar], 346 p.; vol. 3: Dinamicheskaya grammatika [Dynamic grammar], 321 p. (In Russian)
- Kibrik A. E., Kodzasov S. V. *Sopostavitel'noye izucheniye dagestanskikh yazykov. Glagol* [Comparative study of Dagestani languages. Verb]. Moscow, MSU, 1988, 226 p. (In Russian)
- Kibrik A. E., Kodzasov S. V. *Sopostavitel'noye izucheniye dagestanskikh yazykov. Im'a. Fonetika* [Comparative study of Dagestani languages. Name. Phonetics]. Moscow, MSU, 1990, 366 p. (In Russian)
- Kibrik A. E. *Metodika polevykh issledovaniy (k postanovke problemy)* [Methods of field research (to the formulation of the problem)]. Moscow, MSU, 1972, 180 p. (In Russian)
- Sumbatova N. R., Lander Yu. A. *Darginskiy govor seleniya Tanty: grammaticheskiy ocherk, voprosy sintaksisa* [Dargi dialect of the village Tanty: grammatical essay, issues of syntax]. Moscow, LRC Publishing House, 2014, 752 p. (In Russian)
- Sumbatova N. R., Mutalov R. O. *A Grammar of Icarl Dargwa (Languages of the World Series 92)*. München, Newcastle, LINCOM Europa, 2003, 242 p.
- Sumbatova N. My fieldwork, from Georgia to Guinea. In *Word hunters*. Sarvasy H., Forker D. (Eds.). Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins, 2018, pp. 123–137.
- Tabasaranskiye etudy. Materialy Dagestanskoy ekspeditsii 1979 (Publikatsii otdeleniya strukturnoy i prikladnoy lingvistiki. Vyp. 15)* [Tabasaran Sketches. Materials of the Dagestan Expedition 1979 (Publications of the Department of Structural and Applied Linguistics. Iss. 15)]. Moscow, MSU, 1982, 98 p. (In Russian)
- Udinskiy sbornik: grammatika, leksika, istoriya yazyka* [Udi collection: grammar, vocabulary, history of language]. M. E. Alekseev, T. A. Maysak (Eds.). Moscow, Academia, 2008, 464 p. (In Russian)
- Zhizn' kak ekspeditsiya: sbornik statey k 50-letiyu shkoly polevoy lingvistiki A. Ye. Kibrika i S. V. Kodzasova. V 2-kh tt.* [Life as an expedition: a collection of articles for the 50th anniversary of the

school of field linguistics of A. E. Kibrik and S. V. Kodzasov. In 2 vols.]. V. A. Plungyan, O. V. Fedorova (Eds.). Moscow, Buki Vedi, 2017, 1050 p. (In Russian)

*Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
08.11.2025*

Сведения об авторе – Information about the Author

Вера Сергеевна Мальцева – младший научный сотрудник отдела урало-алтайских языков Института языкознания РАН (Москва, Россия)

Vera S. Maltseva – Junior Researcher, Department of Ural-Altai Languages, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

vmaltseva@iling-ran.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5634-6583>